

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 258; Трубецкой Н. С. «Хожение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник // Семантика. М., 1983. С. 437; Фортунатов Ф. Ф. Самавед — Араньяка — Самхита. М., 1875. С. 57 и др.
- ² Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 272.
- ³ Словарь русского языка XI—XVII вв.: В 10 т. М., 1975—1983. Т. 4. С. 227.
- ⁴ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. Спб., 1912. Т. 3. С. 1250.
- ⁵ Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII века. Л., 1975. С. 264.
- ⁶ Там же. С. 297.
- ⁷ Азбуковник. ГПНТБ СОАН СССР, Тихом. № 84. Л. 82.
- ⁸ Алфавит. ГПНТБ СОАН СССР, Тихом. № 72. Л. 148.
- ⁹ Там же. № 84. Л. 389 об.
- ¹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 4. С. 164.
- ¹¹ Алфавит. № 84. Л. 127; № 99. Л. 54.
- ¹² Беринда П. Лексикон словенороський. Київ, 1961. С. 29.
- ¹³ Там же. С. 140.
- ¹⁴ Там же. С. 140—141.
- ¹⁵ Славинецький Е. Лексикон латинський. Київ, 1973. С. 137.
- ¹⁶ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973. С. 124, 149.
- ¹⁷ Фасмер М. Указ. соч. Т. 3. С. 172—173; Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 57—58.
- ¹⁸ Trubetzkoy N. S. Introduction to the History of Old Russian Literature // Harvard Slavic Studies. Cambridge, 1954. Vol. 2. P. 102.

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

В. Н. КАПЛЕНКО

Свердловский пединститут

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ВРЕМЕНИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Исследуются закономерности художественного функционирования существительных, обозначающих единицы времени, в поэтической речи.

Статья посвящена выяснению закономерностей художественного функционирования существительных, обозначающих единицы измерения времени (на материале лирических стихотворений Б. М. Марьева).

Существительные, обозначающие единицы измерения времени, имеют категориально-лексические семы 'длительность' и 'количественная определенность'. Дифференциальные семы

слов *век, год, месяц, сутки, час, минута, секунда* конкретизируют количество длительности и имеют релятивный характер: каждую из единиц можно представить и как совокупность меньших единиц, и как элементарную составляющую большей единицы — недаром толковые словари дают взаимно тавтологичные определения: *минута* — ‘мера времени, равная $\frac{1}{60}$ часа и состоящая из 60 секунд’, *час* — ‘промежуток времени в 60 минут’, *секунда* — ‘единица времени, равная $\frac{1}{60}$ части минуты’¹. Замыкается этот ряд с одной стороны словом *вечность*, обозначающим длительность, не имеющую границ, с другой — словом *миг (мгновение)*, обозначающим длительность, стремящуюся к нулю. И *вечность*, и *миг* не являются единицами времени, принадлежат языку художественных произведений.

Факт употребления перечисленных единиц в поэтическом тексте заставляет предположить, что и они утрачивают свою «терминологическую» сему точности, определенности: поскольку лирика отражает субъективный мир человека, в ней должны преобладать не «научные», а «наивные» значения², не конструктивно-логические, а индуктивно-эмпирические компоненты понятий³.

‘Длительность’ — сема «конструктивно-логическая»; эмпирически же время воспринимается человеком через ритм повторяющихся явлений, через наблюдаемые в мире и в самом человеке изменения⁴. Поэтому эмпирические представления о единицах времени следуют искать в ассоциациях с воспринимаемыми и осознаваемыми человеком явлениями действительности. В структуре лексического значения слова (далее ЛЗ) это область вероятностных, ассоциативных сем.

С эмпирической точки зрения *век* — единица длиннее человеческой жизни, сопоставимая с историческими эпохами; *год* — единица, сопоставимая с этапами человеческой жизни, оптимальная единица для измерения возраста; *сутки* — единица, сопоставимая с отдельным событием; по отношению к природе *год* и *сутки* — циклы, состоящие из четырех качественно различных фаз⁵; *час, минута* — единицы, оптимальные для ориентации в рамках суток или времени суток, сопоставимые с конкретными действиями людей и животных; *секунда* — наименьшая единица, ощущаемая человеком как исчезающе малая величина (*милли-, микро-, наносекунды* принадлежат уже исключительно научно-технической терминологии), поэтому в разговорной и художественной речи возможно синонимическое употребление слов *секунда, миг, мгновение* и *минута*; выражения *Подожди секунду* и *Подожди минуту* могут оказаться коммуникативно эквивалентными. Отношения «больше-меньше» между единицами остаются в силе, но в эмпирическом плане крайние единицы — большие, чем десятилетие, и меньшие, чем час, — семантически сближаются со своими соседями по ряду: *век* и *тысячелетие* обобщаются «субъективной» семой ‘много’; *минута*,

секунда. миг —сеймой 'мало'. В этом смысле разница между *веком и тысячелетием* не намного больше, чем между *минутой и секундой*. Сказанное не касается, однако, слова *вечность*: обозначаемая им длительность в бесконечное число раз больше любой конечной единицы.

Контекстуальные реализации и художественные функции рассматриваемых слов прослеживаются в опоре на их синтаксическую функцию в предложении.

«Ее теснит ХХ *век* то льготами, то карами, / Рычит вокруг по улицам технический прогресс» (30)*, — о несдающейся цыганской душе. Слово *век* употреблено здесь в качестве подлежащего. Точное указание века с помощью порядкового числительного способствует выдвиганию на первый план значения 'историческая эпоха', которое поддерживается такими вспомогательными средствами, как «административная» лексика — *льготы, кары* и упоминание о техническом прогрессе. Сказуемое *теснит* обозначает активное, целенаправленное действие, и *век* приобретает характеристику некоего лица, облеченного властью, располагающего «льготами» и «карами» и действующего, в союзе с напоминающим хищного зверя техническим прогрессом, неблагоприятно для цыганской души. Дальнейший текст: «Но бредит, непутевая, кострами и гитарами» (31) — уточняет характеристику ХХ века: это городская цивилизация с ее искусственными нормами жизни (тема административных мер) и большим количеством искусственных устройств (тема «рычащего» технического прогресса), противопоставленная «кострам и гитарам», символизирующим естественность и романтику кочевой жизни.

Иной речевой смысл и иную художественную функцию берет та же лексема, будучи подлежащим при глаголе движения: «Природа, природа, ты вечно права! / Пусть ноги босые щекочет трава, / И пусть надо мной, как в зарю облака, / Проходят, проходят, проходят *века...*» (47). Существительное *век* реализует свое прямое значение: акцентируются категориальная сема 'количество', дифференциальная релятивная '100 лет', ассоциативные 'длиннее человеческой жизни'. Форма множественного числа, поддержанная повтором глагола, обозначает последовательно истекающие равные промежутки времени, в сумме во много раз перекрывающие продолжительность человеческой жизни. Художественный смысл отрывка держится на парадоксе: сиюминутная ситуация — *Пусть ноги босые щекочет трава* — дается на фоне проходящих веков. Слово *века*, таким образом, служит здесь созданию парадоксального темпорального фона, назначение которого — выразить утопическое желание человека вечно жить в гармонии с природой.

* Здесь и далее в скобках страница указанного издания «Дела о соловьях» Б. Марьева. Свердловск, 1974.

Формально близок к грамматическому субъекту именительный падеж темы: «Годы, годы! / Улица знакомая...» (17). Смысловое наполнение именительного темы раскрывается в последующем тексте, но в данном случае уже ЛЗ существительного *годы* заставляет предположить, что речь идет о пережитом. Форма множественного числа обозначает отрезок, количественно сопоставимый с этапами человеческой жизни, и нейтрализует семантику точного количества. Повтор, относящийся «к примерам чисто лексической экспрессии», «заключает в себе яркий усилительно-градационный эффект»⁶, подразумевает ряд проходящих перед внутренним взором лирического героя картин-воспоминаний, подобно тому, как это происходит в начале стихотворения: «Детство, детство! / Музыка и топот. / Эшелоны. Беженцы. Война» (17). Последующий же текст: «Ничего я смерти не прости! / Деда нет, / И бабки нет, / И дома... / Есть крапива, / Пепел / И пустырь» (17) — говорит о том, что повтор *Годы, годы!* обозначает жизненный отрезок между войной и моментом настоящего и служит средством, позволяющим опустить подробный рассказ об утратах, сжать воспоминания о них до краткого всплеска переживаний.

В позиции дополнения встречаются супплетивные формы *годá* и *лет*, обе в тексте одного и того же стихотворения: «Я с неудачниками пил, / Не понимал ни лиц, ни *лет*, / И полуночный этот пир / Был фантастически нелеп. <...> А я — считал свои *года*, / А я — лечил свою беду / И говорил, что никогда / Я в их число не попаду!» (43). Обе они выступают как объект умственных действий — *понимал*, *считал* — и употреблены в значении 'возраст' (функция характеристики персонажа), о чем в первом случае говорит постанова в однородный ряд: *ни лиц, ни лет*, а во втором — определение *свои*. Появляясь в первой и в предпоследней строках, формы *годá* и *лет* образуют неяркое в художественном отношении, но тематически существенное кольцо стихотворения, которое вводит тему возраста и провоцирует следующие темпоральные смыслы: 'они упустили свое время' и 'у меня впереди достаточно времени'. В результате тема возраста перерастает в тему смысла жизни, самореализации человеческой личности. Таким образом, существительное *год* становится лексическим и композиционным средством выражения идеи стихотворения.

В позиции несогласованного определения из рассматриваемой группы встречается только слово *век*: «Ты — совесть *века*» (9); «Дети шумного *века* — / Все-то нам по плечам, / Вечно некогда, некогда... / Плачем лишь по ночам» (42). Значение 'историческая эпоха' актуализируется в одном случае благодаря определяемому слову *совесть*, обозначающему нравственное качество, и знанию о том, что содержание понятия 'совесть' зависит не от порядкового номера столетия, а от характера эпохи; в другом случае подобным же образом работает

определяемое слово *дети*: сочетание *дети века* выражает мысль о типических чертах, свойственных представителям определенной эпохи. Помогают выражать значение 'эпоха' прямо или косвенно упомянутые признаки современности: шум, спешка, суета, душевная дисгармония. В том и другом случае существительное *век* участвует в характеристике персонажа, а она, будучи рационально-оценочной, включается в прямое формулирование идеи стихотворения или его отрывка. Центром оценочной функции является определяемое слово.

Если определяемое слово является второстепенным членом предложения, то лексическая семантика определения входит в смысл, выражаемый этим членом предложения: «И счастлив — кто за далью дальней, / Со dna мучительных веков, / Как бы на лестнице спиральной, / Великих видит двойников!» (44). Определение *веков* подчиняется указателю места *со dna*, формирующему пространственный образ. Перед нами метафорическое выражение, в котором слово *веков* соотносится с действительностью и употреблено в языковом значении 'эпоха', *дно* — слово в переносном значении. Пространственный образ подкреплен сравнением хода времен с «лестницей спиральной». Форма множественного числа и энциклопедическое знание говорят о том, что «дно... веков» не есть начало времен, глубочайшая древность: мучительной может быть действительность самых разных эпох. Эпитет *мучительных* подчеркивает глубину страдания, степень бесчеловечности эпохи, и взгляд «со dna», т. е. вверх (что связывается с представлениями о свободе, о полете, о свете и т. п., имеющими положительную коннотативную окраску), символизирует надежду на лучшие времена, на реализацию идеала в будущем.

Аналогично употреблено существительное *вечность*: «Ах, бухгалтеры душ человеческих, / Инженеры машинных мозгов, / Помолчите над безднами вечности / У моих озаренных мостов» (29). И здесь существительное с пространственным ЛЗ в роли локативного указателя управляет родительным падежом слова *вечность*, взятого в языковом значении, в результате чего возникает образ времени, представленного как пространство (в данном случае имеющее бесконечную, не измеримую глазом глубину, в предыдущем — обладающее определенной, зрительно представимой структурой). Художественный смысл метафоры здесь иной: *Помолчать над безднами вечности* означает 'отвлечься от суеты, почерпнуть глубины, мудрости'.

Наиболее богата и по количеству случаев, и по лексическому разнообразию, и по особенностям морфолого-синтаксического выражения группа употреблений рассматриваемых существительных в синтаксической роли указателей времени. Не столь разнообразны их значения — это, как правило, «временное количество, представленное как единая совокупность»⁷:

1) беспредложный винительный падеж единственного числа:

«Апрель ударил по глазам,/ Защебетал на ветках голых /И раз-метался, как геолог,/ Бродивший *месяц* по лесам» (7); «Ах, погоди *минуту*, проводник! /Как коротка заветная стоянка!» (15). Слово *месяц* употреблено в контексте сравнения, осложняющего олицетворение, и характеризует второй член сравнения (*геолог*), вводя подтекст: 'очень уставший'. Существительное *минута* находится в контексте просьбы и актуализирует сему 'малая длительность', участвуя в создании эмоциональной напряженности;

2) количественное числительное + винительный (или родительный) падеж: «То ли вправду сработал билет,/ То ли впрямь он *два года* не пил,/ Но гараж воздвигает сосед:/ Накопил, говорит, и купил» (28); «На стадионе /30 000 человек,/ Как школьники,/ Сидели *3 часа*,/ Пока читал свои стихи Неруда» (19). Употребление количественных числительных способствует актуализации «логических» сем, таких как 'точное количество', но смысл этой точности не тот, что мог бы быть в бытовом или научном общении. Указатель *два года* в известной мере случаен: важно не выйти за пределы вероятного, тогда как указатель *3 часа* из стихотворения «Цифры», вся экспрессия которого строится на употреблении числительных, должен восприниматься читателем как близкий к документальной точности. Лирический герой стихотворения «Игра», завидующий соседу, строит предположения, и *два года* ничего, кроме предполагаемого срока, не обозначают; герой стихотворения «Цифры» рассуждает, опираясь на исторические факты, каждый из которых — и повод подумать, и аргумент в доказательстве;

3) порядковое числительное + винительный падеж единственного числа: «*Третий год* продолжается бой.../ *Пятый год* задыхается страсть.../ У соседа — «Москвич» голубой/ Вырос в «Волгу» — кофейная масть» (28). В отличие от возможных конструкций *три года*, *пять лет* указатели с порядковыми числительными акцентируют внимание на текущем моменте, на динамике действия, тогда как предыдущие примеры сообщали о сроке, в течение которого действие себя исчерпывало (художественные функции соответственно темпорально-динамическая и темпорально-статическая);

4) «на» + винительный падеж: «Лишь сердце захолонуло *на миг*/ У огоньков родного полустанка» (16). Актуализирована сема 'краткость', указатель участвует в функции эмоционального выражения;

5) «в течение» + родительный падеж: «Как досталась мне эта зима:/ Два инфаркта *в течение года!*/ Ах, какая кругом тишина /И погода» (50). Темпоральный смысл конструкции 'совокупность событий в рамках указанного срока' наполняется трагической коннотацией, которая усиливается благодаря контрасту с последующими строками, передающими наслаждение покоем. В дальнейшем этот контраст оказывается конструктив-

ным приемом — весь последующий текст воспринимается на фоне зимы, чуть не стоившей герою жизни: «Я по лужам брожу голубым, / Где березы стоят вверх тормашками...» (50) и т. д.;

б) «за» + винительный падеж числительного + родительный падеж: «До вас ли мне, березы и рябины, / Когда мой род за тысячу веков / Очистился едва ль наполювину / От собственных тенет и сорняков?» (36). Указатель не претендует на точность и обозначает длительность, перекрывающую сроки жизни многих и многих поколений. Темпоральный смысл указателя — ‘срок, по окончании которого констатируется текущий результат продолжающегося процесса’. Контраст между величиной срока и невеликими, с точки зрения лирического героя, результатами создает конфликтность, определяющую содержание функции эмоционального выражения;

7) «в» + винительный падеж: «И в час, когда шумят во круг, / Мне страшно за тебя вдвойне...» (51). Соотнесенность с определительным придаточным, в котором предсказано процессное действие, придает указателю смысл ‘время, занятое действием, параллельно которому длится другое действие (состояние)’. Слово *час* реализует «эмпирические» семы: ‘длительность в рамках небольшой части суток, достаточная, например, для застолья’ (предтекст: «Свои обиды — береги / И не оттаивай, как воск, / Когда вчерашние враги / За твой успех поднимут тост» (51). Точные количественные границы «часа» размыты именно благодаря тому, что мерой длительности одного действия (состояния) стало другое действие. Вместо лексемы *час* могли быть *момент*, *минута* или *время*. Главная художественная функция указателя *в час* — темпорально-динамическая, но вместе с предикативом *страшно* он включается в функцию непосредственного выражения чувств;

8) «с» + творительный падеж множественного числа: «Все-то знаю я, что станется, что сбудется, / Что забудется с годами на ветру...» (40). Множественное число, отсутствие количественного ограничителя и результирующее значение глагола *забудется* формируют смысл ‘длительность с размытыми границами, в неопределенное количество раз большая, чем год’. Противоречие между результативностью и «длительностным» указателем вызывает представление о динамике процесса: ‘с каждым годом забывается все больше’. Темпорально-динамическая функция дополняется эмоционально-выразительной, поскольку слова *забудется с годами* тематически связаны с представлениями об утратах, подстерегающих человека в жизни.

В одном из употреблений существительное *секунда* формально занимает позицию детерминанта места: «И в этой секунде, / Что минет, что канет, — / Восторг откровенья, что жизни дороже!» (26). Трансформа *эта секунда содержит (в себе) восторг* обнаруживает семантический субъект содержания, который, в свою очередь, оказывается формальным, так как непо-

средственно смысл высказывания выражается трансформой *в эту секунду (переживается) восторг*. Указательное местоимение устанавливает связь между названным переживанием и предтекстом: «Театр — как прожектор, / как лупа, / жесточе! — / Как бритва! — / И рампа уже не граница, / И взгляды, / как шпаги, / скрестились на точке — / На искре слезы / одинокого принца» (26). Итак, в рамках данного предложения функция детерминанта места — темпорально-указательная; в масштабе текста его смысл расширяется, секунда выявляет смысл жизни актера, а сама секунда — «жизни дороже». Типичный для поэтики Б. М. Марьева прием — вмещение большого в малое — сдублирован: сопоставлению разномасштабных временных понятий предшествует сопоставление разномасштабных пространственных, причем и здесь меньшее — точка, искра слезы демонстрирует сущность большего — театра. Такую художественную функцию обозначим по контрасту с образами типа «мир, репрезентированный собственной деталью» (ср. *пчелы лета*)⁸ как часть, репрезентирующую целое.

Особенности функционирования темпоральных существительных определяются структурой их лексической семантики и синтаксической позицией. Все дальнейшие различия зависят от грамматической и лексической сочетаемости. Так, в позиции подлежащего существительное *век* олицетворяется, будучи употребленным с глаголом целенаправленного действия, и выражает прямое значение, когда сочетается с глаголом движения. Вносит свою лепту в формирование речевого смысла и широкий контекст: на фоне темы природы *век* обозначает чистую длительность, на фоне темы общества (города, цивилизации) — историческую эпоху. Самостоятельный именительный падеж в роли тематива *Годы, годы!* подразумевает ряд картин, аналогичных данным в предтексте, иначе говоря, черпает свою семантику из широкого контекста. *Год* в роли объекта умственных действий обозначает возраст и участвует в характеристике персонажа. Семантика несогласованных определений подчиняется семантике определяемого слова, особенно если оно само стоит в зависимой позиции: подчиненность обстоятельству места, выраженному существительным с пространственным ЛЗ, — условие появления пространственного образа, причем темпоральное слово выступает ключевым словом метафоры. В сочетании же с подлежащим или сказуемым, относящимся к тематике 'человек' и 'общество', оно характеризует персонаж, дает ему прямую оценку и участвует в формулировании идеи стихотворения. Если в позиции определения употреблено только слово *век*, то в роли обстоятельства времени встречаются почти все существительные данной группы. Указатели времени выполняют свои «прямые обязанности», вместе с управляющими ими глаголами организуя временной аспект художественного мира, и попутно в разной степени участвуют в выражении эмо-

циональных и коннотативных оттенков. Источник эмоций, как правило, в том, что длительность, выражаемая существительным, оценивается как недостаточная для действий, событий, переживаний, достижения результатов и т. п. Как и предполагалось, утрачивается сема точного количества, четкость границ временного отрезка, за исключением того случая, когда количественные числительные становятся одним из основных средств выразительности. Семантика детерминанта места *в этой секунде* определяется семантикой грамматической основы, художественный его смысл формируется на основе семантики предтекста.

Полностью отсутствует у изучаемых существительных изобразительная функция. Тот минимум изобразительности, который присутствует в приведенных выше примерах, основывается на ЛЗ предметных или локативных существительных (*над безднами вечности; со дна... веков*), на смысле находящихся в ближайшем контексте сравнений и эпитетов (*у моих озаренных мостов; как бы на лестнице спиральной*; ср. также: «И пусть надо мной, как в зарю облака, / Проходят, проходят, проходят века»).

Сопоставление рассмотренных существительных с существительными, обозначающими время суток и время года, в поэтических текстах Б. Марьева позволяет сделать вывод о том, что лексические единицы времени обладают меньшим потенциалом образных значений и художественных функций (соотношение количества функций 12 : 11 «в пользу» слов, обозначающих время суток/года). Слова с ЛЗ «единица времени» в подавляющем большинстве случаев употреблены в языковом значении и чаще встречаются в синтаксической функции указателя времени (соотношение количества употреблений 7 : 10). Объясняется все это разной степенью сложности исходных ЛЗ: слова *день, лето* и т. п., помимо длительности и количества, обозначают особенности пространства⁹, слова же *час, век* и т. п. лишены пространственных сем, а «чем диффузней и дескриптивней значение слова, тем легче оно метафоризируется»¹⁰. Говорить о том, насколько описанные здесь особенности функционирования темпоральных существительных закономерны для поэзии вообще, возможно лишь на основе сопоставления творчества разных поэтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1985.

² Апресян Ю. Д. Принципы семантического описания языка // Семантика и представление знаний. Тарту, 1980. С. 6—12. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та; Вып. 519).

³ Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988. С. 51.

⁴ Аарелайд А. Категория времени в современной науке и проблема человеческого времени // Изв. АН ЭССР. Сер. обществ. науки. 1978. № 3. С. 276—280.

⁵ Капленко В. Н. Функционирование темпоральных существительных в поэтическом тексте // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1987. С. 70.

⁶ Иванчикова Е. А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения // Мысли о современном русском языке. М., 1969. С. 127.

⁷ Скогорев В. А. Темпорально-квантитативные формы, выражающие совокупность времени, в русском языке // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1973. С. 96.

⁸ Капленко В. Н. Указ. соч. С. 72.

⁹ Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста. Воронеж, 1987. С. 9.

¹⁰ Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 149.

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

А. Ю. ЛАРИОНОВА
Уральский университет

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НА -ЧИЙ И БАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ

Сопоставляются семантическая и семная структуры отглагольных прилагательных на *-чий* и базовых глаголов на материале словарных дефиниций, выявляется градационный характер семантической соотносительности прилагательного и глагола.

Отглагольные прилагательные (далее ОП) представляют довольно обширный пласт лексики в лексической системе современного русского языка¹. Внимание к ним со стороны ученых в последнее время значительно возросло в связи с растущим интересом к изучению коммуникативных сторон языка, к особенностям семантики производной лексики, к определению статуса ОП* и многим другим проблемам семантики**.

Исследование семантики ОП опирается прежде всего на семантику глагола, который с точки зрения семасиологической изученности находится в настоящее время в более выгодном положении, чем прилагательное и существительное.

Для конкретного исследования взята группа ОП современного русского языка на *-чий*, включающая 54 лексических единицы. Рассматриваются только те прилагательные, которые формально-семантически соотнесены с причастными формами (*колючий — колющий, спячий — спящий, горячий — горящий*).

* Вслед за И. К. Блюминой мы считаем отглагольными те прилагательные, которые лишь по происхождению связаны с причастиями древнерусского языка, а также прилагательные, образованные от глаголов морфологическим путем².

** См. работы Н. Е. Сулименко, Е. М. Вольф, А. Н. Шрамма.